

Семь дней. - 1991 - декабрь - с. 8.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

К 100-летию со дня рождения

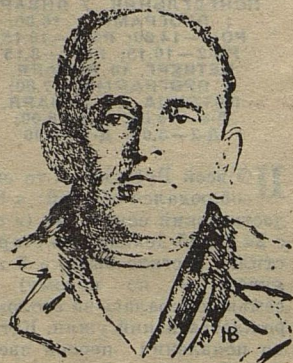
СУББОТА, 12 ЯНВАРЯ, 1 ПРОГРАММА, 14.00;
РО-4-14.00; РО-3-14.00; РО-2-14.00; РО-1-14.00

Век со дня рождения — он не прожил и полувека, всего 47 лет, и тело его брошено в яму там, где кончился его путь, — в пересыльном лагере под Владивостоком. Но невозможной оказалась затея вычеркнуть его из литературы, он и сегодня жив как один из ярчайших представителей «серебряного века» русской поэзии. Эта очень немногочисленная когорта оказалась носительницей и хранительницей высочайших завоеваний в области формы и присущего нашей Родине отношения к назначению поэта, призванного решать со своим собеседником главные вопросы: о смысле бытия, о единстве человека и

природы, о назначении искусства, о глубочайших корнях культуры.

Сильный духом своим, поэт категорически отвергал рабское служение сиюминутным идеологическим задачам, выполнение мнимых «социальных заказов», и уже за десятилетие до конца ему перекрыты были пути в издательствах.

Следующая его книга вышла через 45 лет, уже без него. И все же! О судьбе его поэзии точно написал Ник. Чуковский слова, опубликованные много позже (выросший в одной из самых литературных семей, он был знаком с Мандельштамом с юности): «Стихи его усердно переписывались и заучивались наизусть любителями поэзии, но в печати

откликов не получали. Читатели его любили страстно, но это были читатели только из среды наиболее образованных слоев интеллигенции. Слишком большое требование к поэтической культуре читателя предъявлял его стих... Мандельштам был великий русский поэт для узенького интеллигентного круга». Да, это так, но ведь по мере духовного роста народа, приобщения его к истинным ценностям культуры растет и спрос на

«культурологического» поэта!

Больше всего мы узнаем о том, каков он был, из двух рожденных чувством долга исповедальных книг его вдовы Надежды Мандельштам, созданных в 60-е годы и сперва читавшихся нелегально. Как и Анна Достоевская, она в основном идеальная жена Мастера, она последовала за ним в обе ссылки — в Чердынь и Воронеж, сохранила в памяти массу его строк, а ее дружба с Ахматовой позволила еще более увеличить цену ее благородного труда. Все это еще драгоценней оттого, что Мандельштам был абсолютно безытен, — бесребренник, предполагавший бесребренность и в окружающих, он ютился по комнатам в Доме искусств, Доме науки, Доме Герцена, а то и по знакомым в самых разных городах. В левом флигеле Дома Герцена, как вспоминает Чуковский, в комнате были лишь распахнутый сундук да венский стул.

И в этих вот условиях он проглатывал море книг, обрабатываемый «демоном чтения». Он органически не мог творить без философского осмысления цели творчества, будучи по самоопределению «смысловиком», уверенным, что «в жилах нашего столетия течет тяжелая кровь чрезвычайно

отдаленных монументальных культур». Свою платформу он вырабатывал и на двух семинарах в Гейдельбергском университете, и на знаменитых Пушкинских семинарах Венгеровой, и в Цехе поэтов, в кругу акмеистов. И он великолепно продолжил философскую линию, идущую от Пушкинского круга, от Батюшкова, от Тютчева. В богатстве и совершенстве Слова видел он залог сохранения всей культуры, и бессовестное одичание в этой области в эпоху культа приводило его в отчаяние: «Онеменение двух, трех поколений могло бы привести Россию к исторической смерти». Сегодня он наш великий союзник в возвращении Слову его достоинства, союзник прежде всего совершенным мастерством собственной поэзии: «О, как же я хочу, нечуждый никем, лететь вослед лучу, где нет меня совсем... Он только тем и луч, он только тем и свет, что шепотом могуч И лепетом согрет...»

В. БОРИСОВ